

Мартин Лихтмесц

Можно ли искусственно создавать религии?

---

1. Октября 2015 г.

Оригинал: Martin Lichtmesz. Sind Religionen machbar?

Источник: <https://sezession.de/57158>

Перевод с немецкого, 2020 г. На русском языке публикуется впервые!

Одного только рассудка для этого недостаточно, хотя бы потому, что, если вольно перефразировать Шиллера, как и его брат, разум, «всегда был только у немногих». Конечно, массы, которые в полубурлескном первом акте особенно усилившегося в сентябре 2015 года вторжения мигрантов в Германию принимали приходящие потоки с по-детски разукрашенными транспарантами и приветствовали их возгласами ликования как спортсменов экстра-класса, знают, как правило, лишь очень мало и едва ли могут понять, что происходит перед их глазами, и вряд ли хотя бы один луч трезвого просвещения сможет проникнуть в эту мешанину из эмоций, коллективных комплексов, иллюзий и миметических коротких замыканий. Кроме того, мы здесь вынуждены иметь дело с миллионами мозгов, которые хоть и склонны к сенсационным обобщениям, но, с другой стороны, неспособны увидеть большое Всё со всеми его последствиями. Это мозги, которые больше не могут думать о серьезной реальной опасности, которые поражены чем-то вроде патологического псевдоальтруизма, и в которых особенно проявляется странная, инстинктивная и очень женская воля к подчинению более сильным.

Как бы ни описывать тот массовый психоз, который охватил Германию летом 2015 года, невозможно не заметить в нем определенное религиозное возбуждение, скрытую теологию германского самоощущения и телеологию его истории, драмы вины, прегрешения, первородного греха и искупления грехов, перед лицом ненасытного Бога, который никогда не прощает, толкования общества, которое, все же, вопреки накоплению «последних людей», все же не смогло жить только ради материального благосостояния, Основного закона и свободного рынка. Мы, другие, которые уже давно из-за холодного шока приобрели иммунитет к эпидемиям подобного вида, могли бы через сто лет после Штефана Георге снова сказать о крушении строения без «мер и границ»: «Слишком поздно для затишья и лекарства!» И уже давно мы знаем, что требуются достигающие больших, чем рацию, глубин силы, чтобы добраться до корней этого странного, часто хорошо замаскированного, пестро раскрашенного и преображенного гламуром прогресса, желания смерти западной цивилизации.

Кроме того, с повторным пробуждением джихада в двадцатом веке и с распространением ислама в Европе континенту противостоит враг как образ собственного вопроса. Где есть в Европе вера, которая смогла бы сравниться с исламом в его самонадеянности и воле к самоутверждению и отстаиванию своих прав? Растерянность эта тем сильнее, что мы едва ли еще можем понять, как очевидно бессмысленная вера в избранных богом пророков и священные, непогрешимые, как бы упавшие с неба книги может двигать и укреплять целые народы. «The best lack all conviction, while the worst / Are full of passionate intensity», жаловался Уильям Батлер Йейтс еще в 1920 году в своем апокалиптическом стихотворении «The Second Coming» («Второе пришествие», в переводе Григория Кружкова: «У добрых сила правоты иссякла, а злые будто бы остервенились»). Когда Доминик Веннер 21 мая 2013 года застрелился в Соборе Парижской богородицы, он был преисполнен сознанием, что только лишь символические сигналы, мифы и жертвы могли бы пробудить спящую Европу. Этот бывший воинственный политический активист давно утратил веру в чисто политические решения: Без истинной, внутренней революции душ они – только «медь звенящая или кимвал звучащий». Так он видоизменил знаменитый слоган Шарля Морраса «Politique d'abord!», «политика прежде всего!», и поставил на его место «Mystique d'abord!» «мистика прежде всего», без сомнения, храня в подсознании изречение Шарля Пеги, что все начинается с мистики и заканчивается политикой, что значит: опускается до политики. Для Веннера эта мистика должна была принять форму «идентитарной религии», т.е. своего рода расширенной до общеевропейского масштаба племенной религии, которая как бы объявляет «наше» святыней.

Однако он думал при этом, прежде всего, о стоической философии по античному образцу, обогащенной мифически-аллегорическими ссылками, причем он попытался как бы при помощи гигантских ножниц убрать или, по крайней мере, сильно обрезать две тысячи лет христианства из умственного и духовного «генофонда» Европы: «Так же, как другие снова осознают себя сыновьями Шивы, Мухаммеда, Авраама или Будды, нет ничего абсурдного в том, чтобы осознавать себя сыновьями и дочерьями Гомера, Одиссея и Пенелопы».

В этом месте мы уже оказываемся посреди дилеммы: Тот, кто думает подобно Веннеру, вспоминает в первую очередь о социальных, моральных, политических, придающих общности смысл и цель благотворных действиях религии, другими словами, о ее пользе; но его «требник» «Самурай из Европы» написан для одиноких рыцарей веры между смертью и дьяволом как на гравюре Дюрера, и только очень немногие смогут сегодня принять гомеровские эпосы как «библию», как это предлагал Веннер. В конечном счете, он стремился к тому, чтобы сделать мистику «топливом» политики – затея, которую можно было бы сравнить со словами Пеги: «То, что религия необходима для народа – это в определенном смысле самое глубокое оскорбление, которое когда-либо наносили нашей вере».

Неминуема ли эта дилемма? Я считаю, что любое более глубокое размышление об этих вопросах должно прийти к выводу Хайдеггера: «Философия не сможет вызвать никаких непосредственных изменений в теперешнем состоянии мира. Это относится не только к философии, но и ко всем чисто человеческим помыслам и действиям (Sinnen und Trachten). Только Бог еще может нас спасти». Причем многие, кто пришли к этому моменту, должны в значительной степени перебороть сами себя, чтобы принять и вторую часть высказывания Хайдеггера: «Нам остается единственная возможность: в мышлении и поэзии подготовить готовность к явлению Бога или же к отсутствию Бога и гибели; к тому, чтобы перед лицом отсутствующего Бога мы погибли». Такая фраза, кажется, парализует какую-либо возможность действия, кажется, обрекает на пассивность и безразличие. Если человек нуждается в Боге, почему тогда нельзя заставить этого Бога появиться, намеренно вызвать его, например, с помощью жертвы, вроде жертвы Венеры? Если требуется мистика, почему нельзя создать ее самому? И если нужна религия: почему тогда нельзя придумать себе религию по своему собственному вкусу?

В этом месте стоит процитировать один комментарий из Интернета, который часто можно прочитать на правых интеллектуальных блогах. И этот комментарий следует процитировать несколько более подробно, так как он типичен для всех, кто когда-либо приходит к естественному выводу, что новая «мистика» была бы важнее новой политики:

«Мы нуждаемся больше, чем в новой политической партии; мы нуждаемся в новом религиозном пробуждении, чтобы освободиться от ошибочной доктрины ортодоксального просвещения. Но нам не нужно возвращение в прошлое – нам нужно нечто новое и лучшее, на нашем собственном языке. Мы нуждаемся в новой концепции, основывающейся на роде (родовой, племенной) веры, которая переносит мудрость древнего мировоззрения в сегодняшнюю реальность. (...) Христианство было в этом отношении удачным ходом, когда оно допустило более высокую универсальную мораль, в то время как оно одновременно представляло те ценности, которые усиливали семьи и общности. Но оно было безнадежно разложено имперской формулировкой этой религии и радикальным эгалитаризмом, который не предвидел, и которого не намеревались достичь ранние христиане, видевшие себя как маленькие общности семей единомышленников, сопротивляющихся выродившейся и злой империи. Также сегодня мы нуждаемся в вере, чтобы вытянуть себя из этой ужасной грязи, в которой мы сами виновны».

Тут неизбежно вспоминается барон Мюнхгаузен, который вытащил себя из болота за свои собственные волосы. Роберт Шпеман цитировал в связи с этой проблематикой возможности намеренного создания религий анекдот о Талейране. Когда кто-то во время Французской революции предложил изобрести новую религию, Талейран ответил: «Когда-то был один известный основатель

религии, который, после того как он три года учил людей, был казнен на кресте и воскрес на третий день. Вам следовало бы попытаться как-нибудь сделать что-то в этом роде». Как возникают религиозные «парадигмы» – модное слово, которое, например, охотно использует Ханс Кюнг, скорее показало, по мнению Шпемана, высказывание Иисуса Христа: «Не вы Меня избрали, но Я избрал и поставил вас» (Евангелие от Иоанна, 15,16). Просветители были, конечно, преимущественно убеждены в том, что также христианство должно было быть чем-то вроде «изобретения». Герман Реймарус, например, пришел к кажущемуся ему логичным выводу, что апостолы должны были украсть труп Христа и позже целенаправленно лгали о его возрождении. Таким образом, христианство якобы началось с вовсе не такого уж благочестивого обмана. Но по-прежнему сложно объяснить, почему же так много людей поверили в этот обман, так что христианство в будущем поднялось до мировой религии.

Затем в ходе Французской революции было несколько частично вдохновленных масонами попыток обосновать что-то вроде гражданской религии в соответствии с парадигмами Просвещения. За 220 лет до самоубийства Веннера Собор Парижской богородицы был переосвящен в «храм разума и свободы», где должны были поклоняться «богине разума». И в остальном было достаточно ритуалов, культов, святотатств, уничтожений икон и статуй, мученичества, жертвоприношений и создания мифов. В этом отношении режим якобинцев был первой попыткой создания тоталитарных «политических религий» двадцатого столетия, которые были описаны Эриком Фёгелином. Однако верующие контрреволюционные мыслители, такие как Жозеф де Местр или Луи де Бональд, только в ограниченной мере смогли разглядеть квазирелигиозные структуры революции. Бональд произвольно стал основателем социологии и функционалистского понимания религии, когда он для защиты единственно истинной для него католической религии выдвигал тезисы вроде следующего: «Эти догмы истинны, так как они полезны для сохранения общества». В девятнадцатом веке за таким ходом мысли как рецептом последовал Огюст Конт, когда он систематически пытался обосновать позитивистскую «религию человечности».

Наряду с «политическими религиями», которые скорее стремятся скрывать свой религиозный характер, в девятнадцатом и двадцатом веках возникали также бесчисленные духовные движения, секты и «новые религии», которые стремились заполнить вакуум, который оставило после себя дискредитированное христианство: теософия, антропософия Рудольфа Штайнера, основанный британским эксцентриком Джеральдом Гарднером культ викка, «кроулианство», психология Юнга, «сайентология» Рона Хаббарда, секта Муна или скандинавское неоязыческое движение Асатру со всеми его ответвлениями. Легко можно увидеть, что ни одно из этих движений на самом деле вовсе не изобрело колесо заново: они ссылаются на предполагаемые «древнейшие» традиции и опираются на культы «природы», упаковывают старые гностические идеи в псевдонаучный язык, усиленно пользуются при этом христианско-иудейской

эсхатологией и часто вращаются вокруг культово почитаемых фигур основателей, которые якобы получили личные откровения и познания о высших мирах. Здесь кроется причина того, почему религии по сути невозможно «создать искусственно»: Чтобы быть эффективными, они всегда должны ссылаться и опираться на внечеловеческие или сверхчеловеческие и вневременные или всевременные, по меньшей мере, на очень старые, происходящие из «древних корней» источники, доступ к которым отнюдь не так уж прост для любого человека. Здесь теперь появляются фальшивые и самозванные пророки и провидцы, и успех любого культа и любой религии зависит от того, верят ли они сами в то, что провозглашают, или скорее: верят ли их приверженцы в то, что эти пророки верят в то, что провозглашают. Тем не менее, они все всегда вращаются в пространстве резонанса культурных традиций и мифических структур, которые нельзя так просто изменять по собственному желанию. Это также относится даже к Иисусу из Назарета, Мухаммеду или Сиддхартхе Гаутаме.

Понятие «религии» определить непросто. Якоб Буркхардт считал религию одной из трех «сил» всемирной истории, отчетливо различной, но – то в большей, то меньшей степени – тесно переплетенной с «государством» и «культурой»: «Религии – это выражение вечной и неразрушимой метафизической потребности человеческой природы. Их величие состоит в том, что они представляют все трансцендентное дополнение человека, все то, что он не может дать себе сам». Истоки религии, согласно Буркхардту, кроются в доисторической тьме, в которой поют, восхваляют и возвещают сивиллы, вельвы и пророки. Кроме того, она тесно связана с поэзией, которую Буркхардт называет самым важным «органом религии». Тем не менее, как сегодняшние люди мы вряд ли уже можем представить себе «примитивные роды духовного», «все же мы – произошедшие позже люди».

Это значит, однако, что мы не можем зафиксировать момент, в котором религия была «сделана» или «изобретена» – мы живем в мире, в котором религии уже всегда были данностью, бывшей ранее или появившейся позже. Также такой сухой и далекий от религий ум как Арнольд Гелен описывал религию как «состояние быть побежденным непреодолимым впечатлением «целой» жизни», итак, она сначала скорее что-то, что случается с человеком невольно, и меньше – что-то, что он осознанно строит себе.

Человек, тем не менее, также в его поздних ответвлениях представляется несокрушимо метафизическим существом, что сегодня как раз доказывают такие воинственные атеисты как Ричард Докинз, которые сделали из своего неверия что-то вроде религии и вместе с нею отправляются в миссионерские крестовые походы против верующих. Это, возможно, нечто большее, чем просто метафора или ироничная аналогия. Фёгелин использовал понятие религии в таком сильно расширенном смысле. Так же сильно было растянуто его спорное понятие «гнозиса», с которым он стремился понять сущность модерна:

«Гнозис», согласно Фёгелину, это, в конечном счете, проект самоосвобождения и самообожествления человека, который хочет сотворить себе на Земле утопический, имманентный рай, и стремится достигнуть этой цели политическими средствами. Настолько же широко толковалось это понятие социологом Эрнестом Беккером (1924-1974), для которого религии были в первую очередь «героическими системами», которые придают бытию трансцендентный смысл и должны преодолевать страх смерти и отчаяние, причем он зашел настолько далеко, чтобы толковать даже индивидуальную структуру характера человека как такую систему. В этом смысле в категорию религии попадало бы также всё, что наполняет бытие мобилизующими образами и духовными идеалами.

Американский психолог Уильям Джеймс описывал религиозный аффект как «возбуждение веселого, расширяющего, «создающего силу» вида». Эмоции этой категории побеждают меланхолию, придают человеку прочность и придают «простым вещам жизни что-то вкусное, важное, воодушевляющее и великолепное». Но корни этих «зарядок» лежат не в рациональном. В своих знаменитых лекциях о «Разнообразии религиозного опыта» (1901-1902) Джеймс пытался описывать их источники, которые, выраженные в словах Петера Слотердайка, происходят из необычного, редкого, чрезмерного, патологического, паранормального. Как отец «прагматизма» Джеймс также подходил к этому феномену со скорее утилитаристской предрасположенностью и передавал своим ищущим смысл читателям послание: «Верь! Это полезно и помогает! Решись на это приключение и посмотри, что при этом получится для тебя!»

В похожем направлении как Джеймс, но, конечно, без американско-прагматичного подхода, указывал и немецкий религиовед Рудольф Отто, который в своем исследовании «Священное» (1917) описывал истинный религиозный опыт как встречу с «нуминозным» («божественным»): «чувство тварности», «чувство твари, которая тонет в собственном ничто и склоняется перед тем, что выше всякого творения»; момент могущественного (*majestas*); переживание *mysterium tremendum*, «мистического ужаса», к чему относятся также опьянение, восторг, демония, ужас и дрожь; момент «энергичного», воли, силы и движения; Бог, который противится одиночке как «совсем другое», непонятное, сверхъестественное, потустороннее.

Как следующий свидетель автономии религиозного опыта должен быть еще упомянут английский философ Альфред Норт Уайтхед, который феноменологически приблизился к этой теме в своем труде «Как возникает религия?» (*Religion in the Making*, 1926). Он понимал религию в первую очередь как «искусство и теорию внутренней человеческой жизни, насколько она зависит от человека и от того, что неизменно в природе вещей», она – «сила веры, которая очищает внутреннюю жизнь». В противоположность этому направленное наружу «коллективное воодушевление, движения пробуждения, учреждения, церкви, библии, нормы поведения» это только «внешние знаки религии, ее

преходящие формы. Они могут быть полезны или вредны, они могут быть авторитетно предписывающими или только временными крайними средствами. Но цель религии лежит по ту сторону всего этого». Это экзистенциальное понимание религии, которое близко к взглядам Паскаля или Кьеркегора, Уайтхед сформулировал в потрясающей фразе: «Религия – это то, что индивидуум делает из своего собственного одиночества».

Очевидно, что в современном мире нет места для этих вещей и опытов. Тем не менее, на разрушенных алтарях появляются демоны, которые уже едва ли могут быть распознаны как таковые, что делает их еще опаснее. То, что их нельзя изгнать одним лишь только разумом, а также что нельзя вызвать богов именно тогда и так, когда и как они нужны, должно было стать понятным в конце этого краткого обзора. Следуя за Уайтхедом, можно было бы констатировать: Что бы ни вышло из религии в будущем в социальном, организационном и политическом плане, у истоков ее, пожалуй, всегда стоят отдельные, одинокие люди, потрясенные неопалимой купиной. Однако это – вопрос милости, которой нельзя добиться принуждением. И тем самым мы снова пришли к высказыванию Хайдеггера: принимая во внимание спасающего Бога, у нас, вероятно, остается только один выбор: либо стать одинокими искателями следов путей Бога, либо, по словам Гёльдерлина, служить отцу:

*Не ведая, что любит нас Отец,
Который верховодит всеми,
И требует Он, чтобы соблюдалась
И крепость буквы, и суть ее достойно
Толковалась. Напев немецкий следует тому.*

Библиотека Велесова Слобода, 2020 г.